

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- А. А. АУБАКИРОВА директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук, доцент
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
- Г. П. ЕРМОЛОВИЧ профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор
- В. А. КОВАЛЕВ доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук
- В. И. КРУСС заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ
- Г. М. ЛАНОВАЯ профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
- С. М. ОГАНЕСЯН профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), доктор юридических наук
- П. А. ОЛЬ профессор кафедры теории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук
- В. П. ОЧЕРЕДЬКО профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук, Почетный профессор СПбГУП
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ
- Р. И. СИТДИКОВА профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук
- Р. Ф. СТЕПАНЕНКО профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук
- В. В. ТРОФИМОВ начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
- В. Л. ЭНТИН директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МВД России (Москва), кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Добрый день, уважаемые коллеги! Слово предоставляется бесценному председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По сложившейся традиции приветствую всех присутствующих и желаю успехов в работе.

Лариса Алексеевна в кратком представлении сумела сказать, что я с 1993 года являюсь председателем Оргкомитета Чтений. В 1993 году Дмитрий Сергеевич Лихачев инициировал проведение Дней науки в СПбГУП (так тогда назывались Чтения), став первым Почетным доктором Университета. После его ухода из жизни Дни науки по указу Президента России В. В. Путина в 2001 году были преобразованы в Международные Лихачевские научные чтения.

Юридический факультет СПбГУП — второй по стажу (после Санкт-Петербургского государственного университета) среди гражданских вузов Санкт-Петербурга. В его создании участвовал Александр Иванович Бастрыкин. То есть наш юридический факультет имеет славную историю.

Возвращаясь к теме секции «Право, ценности и нравственность в условиях современных глобальных трансформаций», хотел бы сказать, что право в России в своем развитии прошло огромный путь, причем это не всегда был прогресс. Сегодня мы наблюдаем, как Государственная Дума не может выполнить поручение Президента России и Госсовета — убрать из закона «Об образовании» утверждение, что образование — это услуга. Тем не менее, как говорит М. В. Шмаков, председатель Совета попечителей СПбГУП, без борьбы нет победы.

На юридической секции Лихачевских чтений обсуждаются важные для юриспруденции проблемы и новые веяния жизни. Выступления юристов можно сравнить с музыкой, их речь прекрасно выстроена и точно выверена. Может быть, это связано с тем, что право влияет на жизнь людей, поэтому необходимо подбирать слова и формулировать терминологию. Тем, кто сегодня получает юридическое образование в нашем Университете, предстоит быть на переднем крае борьбы, которую ведет передовая юридическая наука за совершенствование отечественного права и правоприменения. Россия — особая страна с непростой историей права. Уверен, что у нас впереди светлое будущее. Этому способствуют в том числе и такие конференции, как наша, когда знания передаются от старшего поколения младшему.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, поздравляю всех с приближением лета, которое традиционно связано с Лихачевскими чтениями. Ректор А. С. Запесоцкий сказал, что традиции проведения Лихачевских чтений уже 30 лет. Одновременно 30 лет назад была принята Конституция РФ, так что мы идем в ногу со временем и в направлении, задаваемом нашим государством.

Слово предоставляется первому проректору СПбГУП, куратору юридического факультета Ларисе Алексеевне Пасешниковой.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники Лихачевских чтений! Рада приветствовать замечательную юридическую общественность, теоретиков и практиков, педагогов нашего юридического факультета и, конечно, студентов — будущих юристов, которые сегодня осваивают юридическую науку.

Традиционно в рамках второго дня Чтений работает юридическая секция. И те, кто участвует в Чтениях не первый год, видят происходящие динамические изменения, что отражается в том числе в названии Лихачевских чтений. Долгие годы они были посвящены диалогу культур и партнерству цивилизаций. Отчасти составной частью культуры является и право, юриспруденция.

На пленарном заседании и панельной дискуссии был задан вектор обсуждений, и сегодня на секционном заседании мы в рамках заданной направленности продолжим говорить о проблематике, волнующей юристов. Желаю успехов в работе нашей секции и уверена, что нас ожидает результативная дискуссия.

Предоставляю слово для приветствия одному из руководителей секции профессору Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — Обобщая проблематику нашей секции, мы намерены обсудить основные проблемы, возникшие в тревожную историческую эпоху, с позиций юридической профессиональности. Мы мыслим себя юристами, от которых зависит бытие права на планете, в культуре и цивилизации.

Мне нравится высказывание американского философа и социолога Гарольда Джона Бермана, что право — это то, что ученые-юристы думают и говорят о праве. И поскольку студенты слушают, что говорят ученые-юристы и преподаватели о праве, постольку они становятся причастными к праву и генерируют виртуальную правовую материю, которая сейчас немного вытесняется фейковой цифровой виртуальностью. Но все-таки она остается и будет, условно говоря, аналоговым образом определять перспективы будущего всего человечества и России как хедлайнера человеческой истории, у которого особая миссия. А у юристов особая миссия по отношению к праву.

Огорчает, что дискурс, который сейчас выстраивается, выводит юридический голос за рамки полифонии: он звучит очень слабо — его приглушают то ли искусственно, то ли в силу объективных предпосылок. И сами юристы не стремятся говорить что-то подлинно юридическое, что могло бы дополнить, усилить, углубить, развить нашу общую потребность в коллективном высказывании и коллективном ответе на вопросы, которые стоят перед нами.

Вчера на пленарном заседании Чтений присутствовал Николай Семенович Бондарь, судья Конституционного Суда с 20-летним стажем, крупнейший российский конституционалист. В одной из своих недавних статей он поставил вопрос о философско-библейском измерении современного российского конституционализма, в рамках которого возможно выстроить специфическое понимание основной идеи права и равенства как конституционного равенства, в котором (дескрип-

тивным на сегодняшний день образом) описывается переход от равенства людей по формальным основаниям к подлинному конституционному равенству между собой и в их отношениях с государством, а сейчас и в отношениях России со всем миром. Хотел бы, чтобы мы сегодня поговорили об этом на нашем секционном заседании.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Международные Лихачевские научные чтения — уникальный интеллектуальный формат, предполагающий определенную технику. Вчера на пленарном заседании и панельной дискуссии прозвучали яркие выступления, а сегодняшний самостоятельный этап предполагает осмысление, в том числе культурологическое, тематического блока «Право», ценностей и нравственности, поэтому прошу в своих выступлениях проследить соотношение таких понятий, как «ценность», «право», «право как ценность», «нравственное восприятие права как ценности», в том числе как ценности национальной культуры.

Академик Д. С. Лихачев, ставший инициатором проведения Чтений, позднее названных в его честь, является одним из авторов «Декларации прав культуры». Традиционное восприятие прав человека в настоящий момент может быть дополнено национальной культурой как самостоятельным объектом права. Поэтому прошу в своих выступлениях проанализировать в рамках культурологического аспекта понятия, которые вынесены в название нашей секции.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Вчера на пленарном заседании в ходе обсуждения мне было приятно услышать высказывание нашего Почетного доктора, выдающегося философа Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, которое я приведу в развитие Вашей, Роман Анатольевич, мысли: «Пожалуй, главная ценность пленарного заседания и панельной дискуссии не в том, чтобы дать готовые ответы, а в том, чтобы звучали раздумья, даже из уст людей, которые обычно следуют практическому вектору, например от представителей Министерства иностранных дел М. В. Захаровой и А. И. Денисова».

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется доктору юридических наук Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — На днях произошло важное для российской юридической науки событие — награждение председателя Конституционного Суда РФ Валерия Дмитриевича Зорькина орденом Святого апостола Андрея Первозванного в Кремле. Награждение главы юрисдикционной власти означает признание всей юридической науки.

Несколько дней назад, выступая на конференции в Санкт-Петербурге, я говорил о третьем издании книги В. Д. Зорькина «Право против хаоса», в которой одновременно жестко и патетично-художественно констатируется в том числе то, о чем говорилось вчера,

но с использованием юридического языка. Глобальный кризис современности В. Д. Зорькин увязывает прежде всего с фундаментальным кризисом права, поскольку цивилизация, которая мыслится в контексте цивилизационной парадигмы и существовала на протяжении последних двух тысячелетий, характеризуется как цивилизация права. Очевидно, что кризисность и цивилизация права взаимосвязаны. Можно найти много примеров того, в какой мере цивилизация права отказывается от права ради конкретно-исторических ситуационных стратегических (военно-политических, экономических и др.) интересов, отрекаясь тем самым от права и необходимых, установленных правом ограничений по отношению к самому праву и ко всему, что это право призвано сохранять, обеспечивать, культивировать в мире, в том числе в культуре.

Размышляя о кризисе права, В. Д. Зорькин озвучил тревожные и печальные мысли: он уверен в том, что будущее человечества и России невозможно без устойчивой, эффективной, легитимной в широком смысле, в том числе культурологическом, соционормативной системы, ядром которой должно оставаться право. Но право, с которым мы уже сроднились (удобно думать, что оно будет существовать всегда), сегодня переживает глубочайший кризис. Поэтому необходим поиск чего-то нового.

В. Д. Зорькин говорит о поиске новой цивилизации права и, по сути, нового права. Но подобная перспектива и дальнейшая логика такого дискурса меня смущают, потому для ученого-конституционалиста российское право — только конституционное право в широком смысле. Этот поиск, по словам В. Д. Зорькина, с одной стороны, должен ориентироваться на канонические модели, образцы, которые коренятся в западной традиции права, а с другой стороны, сегодня происходит кризис, в том числе юридический, не только внешний (который запущен триггером СВО), но и глубоко подготовленный и негативно выношенный изнутри, в том числе в новейшей тридцатилетней истории российского конституционализма. Последняя ознаменовалась тем, что сегодня, по словам В. Д. Зорькина, применительно к России мы имеем дело с необходимостью самоопределения, самоохраны и выживания в контексте глобального конфронтационного сюжета.

Он говорит и о том, что внутри мы имеем дело с глубоким и «всеохватным отчуждением, разрывающим на куски все ранее устойчивые социальные общности», в том числе делая отсылки, например, к эпохе Александра II, когда в России зарождался либерально-демократический экстремизм, внутрисоциальная террористическая идеология. Русских народовольцев и террористов вдохновляли не наставники из современных центров террористического программирования и не адепты традиционных фундаментальных религий, а все та же либеральная апологетика человеческого космизма и юридической основательности притязаний человека на самоутверждение, о которой писал гениальный русский писатель Ф. М. Достоевский. Квинтэссенция антропологии начинающегося перерождения человеческой личности представлена в его романе «Бесы». Город Скотопригоньевск из этого произведе-

ния списан Федором Михайловичем с Твери третьей четверти XIX века.

Вчера М. В. Захарова сказала о том, что хотела бы усилить контрастность вынесенного в название панельной дискуссии вопроса «Какую многополярность мы предвидим?», поскольку речь идет не об идеологии и конфликте, потому что и то и другое возможно только в дискурсе однородности, соотнесенности исходных установок и смыслов, а о радикальном противостоянии, в том числе об антикультуре.

Я настаиваю на необходимости введения и научного, юридического, конституционно-правового осмысления категории «антиценности». Конституционные ценности — основание, на котором должен зиждиться фундамент реального конституционализма России. Конституционные ценности чрезвычайно емко и функционально определяют соционормативное упорядочение и задают перспективу конституционного регулирования, они нормативные, информационные, наставнические, оказывают глубокое воздействие на власть имущих и простых людей. Но конституционные ценности оказываются не до конца продуманными, прочувствованными и в этом смысле не до конца эффективными.

Конституционная наука должна определиться с антиценностями для того, чтобы окончательно отредактировать формат конституционных ценностей, на основании и в силу которых будет развиваться проект новой Конституции России, актуализирующийся после окончания СВО.

Прочитав Евангелие от Матфея — источник, который ни у кого не вызовет возражений, — где речь идет об антиконституционных антиценностях, которые существуют и в глубинном измерении современной России. Юридическая наука, воплощенная в формате конституционных установок, может их купировать и обеспечить им противодействие, потому что антиценности есть предпосылка к злоупотреблению правом. Первое искушение Иисуса Христа дьяволом: «И приступил к Нему искушитель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Первый конструкт фундаментальных антиценностей — апологетика хлебов насущных в разнообразном выражении (начиная от минимального продуктового набора и заканчивая гастрономическими прыжками). Второе искушение — апологетика прыгания с крыш или гуляния по крышам, третья — сверхапологетика власти, которая переводит ее в категорию абсолютной антиценности и требует редактирования в контексте осмысления власти как долга и служения долгу.

Р. А. РОМАШОВ: — Владимир Иванович, что нужно сделать с антиценностями? Уничтожать в контексте ценностей?

В. И. КРУСС: — Предлагаю говорить об антиценностях с позиции духовной метафизики конституционного сознания. В. В. Путин первым констатировал

факт: то, что нам сегодня противостоит, называется сатанизмом. Моя десятилетняя дочь спросила: «А дьявол существует?» Страшный вопрос, потому что не знаешь, как на него ответить. Отвечаю кратко: «Существует». Второй вопрос: «А почему он существует?» Начинаю думать, как ответить на этот вопрос, и слышу третий вопрос: «А почему ты думаешь, что он существует?» В многообразии этих вопросов — вся полнота проблематики антиценностей. Я попытался обозначить дискурс подсказок применительно к тому, как мы должны определять антиценности.

Как противодействовать антиценностям? Вчера в Казанском соборе я увидел очередь, выстроившуюся к иконе Казанской Божией Матери. А выйдя на Невский проспект (гоголевский), увидел поток более или менее счастливых людей, совершенно не думающих о том, что есть собор и икона. Можно ли людей правовым образом направить на путь верования в Бога, без которого не может быть противодействия антиценностям и приобщения к ценностям (в связи с этим можно привести огромное количество цитат представителей русской религиозной философской традиции права)?

Право не может запретить антиценности, за исключением того, что будет воплощено в активных контрправовых и антисоциальных действиях и поступках, но может взаимосвязанным с правом образом маркировать их со знаком «минус». Это не значит, что право не знает о существовании антиценностей и о том, что на уровне Конституции не может быть определена стратегия противодействия им.

Стратегия противодействия антиценностям — противодействие злоупотреблению правом. Конституция РФ в современном выражении определяет недопустимость злоупотребления правом и необходимость противодействия этому. В новой Конституции РФ, о которой мы начнем говорить через несколько лет, когда наступит ее время, нужно будет редактировать алгоритмику этого сложного, гибридного явления.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Тема нашей секции «Право, ценности и нравственность в условиях современных глобальных трансформаций» предполагает, что в первую очередь нужно определиться с понятием «ценности». По мнению моего товарища Юрия Ветютнева, ценность — понятие конструктивное, это то, что у тебя есть и за что ты согласен платить ресурсами (временем, жизнью и пр.), либо то, чего у тебя нет и за обретение чего ты опять-таки согласен платить. Поэтому разговоры о том, что существуют некие ценности и что-то является бесценным, для юриста в достаточной степени абстрактны. Прежде всего нужно понять, что такое ценности.

Как представляется, такому пониманию способствуют два важных документа — указы Президента РФ от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который относится к документу стратегического планирования, и от 31 марта 2023 года «Об ут-

верждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Считаю, что Концепция внешней политики России носит революционный характер, потому что она вводит в качестве ценностных категорий понятия «русский народ» и «русский мир». Напомню, что во всех конституциях Советского Союза (в Российской империи конституции не было, поэтому говорить о конституции как ценности по отношению к этому периоду не имеет смысла) понятие «русский народ» упоминается только один раз — в преамбуле Конституции РСФСР 1978 года. В современной Конституции поправки, внесенные в 2020 году, вводят понятие «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», однако не конкретизируют название государствообразующего народа. Возникла правовая коллизия.

Преамбула и ст. 3 Конституции РФ оперируют понятием «многонациональный народ Российской Федерации как носитель суверенитета и источник власти». В ст. 68 речь идет о государствообразующем народе, говорящем на русском государственном языке и входящем в многонациональный союз равноправных народов.

Концепция внешней политики РФ определяет, что Российская Федерация является государством-цивилизацией, объединяющим русский и другие народы, образующие в совокупности Русский мир. Важный момент, что в качестве ценностей определены русский народ и Русский мир, в качестве антиценности — коллективный Запад (Соединенные Штаты Америки и их сателлиты, которые ведут гибридную войну против России).

Еще один момент, на мой взгляд, является важным с точки зрения права, ценностей и нравственности. Вплоть до принятия Концепции внешней политики Россия на государственном уровне использовала такие понятия, как «братский народ» и пр. В настоящее время в Концепции закреплена рациональный ценностный подход к внешнему окружению России, который является ребрендингом известной фразы лорда Пальмерстона: «У Англии нет ни постоянных союзников, ни постоянных врагов. У Англии есть только постоянные интересы».

В настоящее время Концепция внешней политики определяет, что Россия воспринимает страны, которые ее окружают, в трех контекстах: конструктивном, нейтральном и недружественном. Здесь авторы Концепции пошли по пути политкорректности, потому что если мы констатируем, что против России ведется гибридная война, то это не недружественный субъект, а враждебный.

В настоящее время, и мне кажется это позитивным моментом, правовые, государственные, национальные ценности определены. Установлено, кто мы в этом мире, кто противостоит нам, и отношение России к тем, кто противостоит ей. В Концепции говорится о том, что Россия не воспринимает Запад враждебно и готова к конструктивному диалогу, когда будет взаимное стремление. Мы диалог не навязываем, но не приемлем насильственного, агрессивного влияния на Рос-

сию. В таком понимании в условиях глобальных трансформаций Россия, каждый из нас выстраивает ценностные ориентиры, которые помогают найти свое место в современном меняющемся мире и главное — отстаивать свое право на счастье, которое есть у каждого из нас и у нашего государства в целом.

В. А. КОВАЛЕВ: — Роман Анатольевич, Вы сказали, что бессмысленно говорить о конституционных ценностях по отношению к периоду Российской империи, поскольку тогда не было конституции. Получается, что ценность существует только в тот момент, когда она сформулирована? Или в сравнении с физическими законами: можно ли говорить о том, что закон всемирного тяготения появился только тогда, когда Ньютон его сформулировал?

Р. А. РОМАШОВ: — Современный мир существует в контексте триады: государство, право, преступление. Не имеет смысла рассматривать право и преступление в отрыве от государства, так же как не имеет смысла рассматривать государство в отрыве от права и преступления. Юридический закон возникает тогда, когда он сформулирован на государственном уровне. Международное право существует тогда, когда конкретное государство признает ту или иную норму, решение. Естественные права в юридическом понимании возникают тогда, когда они провозглашены на конституционном уровне. Поэтому на конституционном уровне Россия как федеративное государство существует с 1918 года, когда на законодательном уровне была провозглашена федерация. Россия как правовое государство существует с 1993 года, когда было закреплено, что Россия — правовое государство. Спекуляция перестала быть составом преступления после того, как ее исключили из Уголовного кодекса. Закон всемирного тяготения существует с того момента, когда Исаак Ньютон его сформулировал и ввел в научный оборот. Поэтому мы говорим о том, что есть предпосылки, условия и правовая реальность. В таком понимании мы рассматриваем формальные юридические категории: закреплено — значит, существует.

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — Вообще физические и юридические законы — это принципиально разные явления. Физические законы существуют вне деятельности человека. Яблоко все равно упало бы, и не важно, сформулировал Ньютон закон всемирного тяготения или нет. А юридические законы реализуются в условиях человеческого сообщества, кроме того, в том случае, когда они сформулированы. Ставить знак равенства между принципиально разными физическими и юридическими законами значит сравнивать несравнимое. Можно ли сравнивать принципиально различные законы человеческого сообщества, которые формулируются Госдумой, и физические законы?

Р. А. РОМАШОВ: — Можно, если мы говорим о специфике русского языка: с его помощью можно сформулировать абсолютно все. Могу ли я написать на доске «рубль»? Могу. Приобретет ли в этом случае

доска качество платежного средства? Нет. Поэтому, когда мы говорим: «Государственная Дума принимает законы», это примерно то же самое, что сказать: «Исаак Ньютон создал закон всемирного тяготения».

Право и закон могут быть воплощены в трех основных образах. Право — это традиция, которая передается от поколения к поколению, старшее поколение определяет закон для младшего. Право — это закон, который формулирует начальник, приказ начальника — закон для подчиненного. И наконец, право либо закон — это то, что одинаково и объективно для всех. В таком понимании закон всемирного тяготения и закон Российской Федерации, закон Соединенных Штатов Америки — это одно и то же, объективная реальность. И люди ее не создают, а открывают, вводят. А дальше мы говорим о том, что закон всемирного тяготения нарушить нельзя. Законы, которые принимают люди, нарушить можно, но сам закон не меняется.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляет профессору Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Прежде всего хочу выразить слова признательности организаторам Лихачевских чтений за прекрасную работу и приглашение участвовать в столь представительном форуме.

Тематика, вынесенная в заглавие очередных Лихачевских научных чтений, безусловно, сложна, масштабна и междисциплинарна. На пленарном заседании праву было уделено не столь много внимания, как хотелось бы нам, правоведам и юристам. Все спикеры, которые выступали в рамках пленарного заседания и панельной дискуссии, говорили о сложных принципиальных проблемах: о суверенности, многополярности, экономике, культуре и нравственности, но вопросы права практически не рассматривались. Хотя в своем выступлении Е. Г. Драпеко высказалась по поводу нового закона о культуре, который пока не принят, а М. В. Захарова — по поводу права в части антитеррористического законодательства, в том числе международного права. Однако феномену права как средства решения проблем, вынесенных в заглавие нашего форума (диалог, конфликт, цивилизация, культура и т. д.), должного внимания не уделялось. Мы говорим о силе, о том, что нужно повышать ВВП и тому подобном, но почему-то умалчиваем о том, что нужно искать новые формы права и решать проблемы цивилизованным образом посредством правовых средств.

Сегодня право претерпевает кризис, хотя и продолжает оставаться действенным рычагом. В прошлом году судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев дал довольно точную характеристику международному праву, что оно фактически разрушено, разорвано в клочья. Сегодня в международном праве мы не ищем панацею как в способе решения проблем международного характера в условиях, когда мир переживает период сложных трансформаций.

Роман Анатольевич сказал, что современный период расставил точки над «i», в чем и заключается его ценность. Пресловутые красные линии, которые мы чертим и предпринимает соответствующие действия,

фактически сделали мир более открытым и честным. До этого присутствовала фальшь, когда мы называли друг друга партнерами, старались не замечать отдельных моментов в отношениях друг с другом. Мир в этом плане стал более прозрачным, транспарентным и искренним. В этом заключается ценность данного периода, который становится точкой отсчета для нового этапа развития. Но это развитие, как пишет В. Д. Зорькин, не следует осуществлять хаотично.

Хаос, который нас окружает, нужно упорядочивать. Одно из важнейших средств упорядочения — это право. Но если право ранее испытало кризис, то где гарантия, что новое право, которое мы будем воспроизводить в старом виде, не даст сбой. Значит, и на право нужно посмотреть иначе, о чем я пытался сказать в своем докладе «О праве конфликтов и праве сотрудничества как отражении сложных трансформационных процессов в современном мире».

На мой взгляд, на современное право нужно смотреть с социально ориентированных позиций. Право ориентируется на предметные сферы общественных отношений и согласно предмету и методу подразделяется на уголовное, гражданское и т. д. Мы знаем, что право со времен Ульпиана опирается на преобладающий интерес и в этом смысле подразделяется на публичное и частное право.

Но право — это прежде всего социальная жизнь. Почему-то на характер социальных отношений, как микросоциальных, так и глобальных, не обращали должного внимания, хотя еще Гуго Гроций в своей книге «О праве войны и мира» отметил, что мир реализует две стратегии — стратегию мира, сотрудничества и стратегию конфликтов. Я предлагаю расставить все точки над «i», рассмотрев современное право с социально ориентированных позиций.

Право может быть конфликтным, регулировать конфликтные отношения между субъектами. Конфликт — одна из главенствующих стратегий современной жизни, которая вряд ли исчезнет в скором времени. Ресурсов становится все меньше, климатические прогнозы — все неутешительнее, населения — все больше, поэтому борьба за ресурсы и средства выживания будет продолжаться. Следовательно, надо учиться жить в этом мире, дефицитном с точки зрения природных начал.

Право позволит нам сохранить человеческий облик, цивилизованность, но нужно рассчитать предельный уровень социального контекста. Тем более что в истории правовой мысли идеи солидаризма, солидарного права очень сильны, как и идеи конфликтного права. Само понятие «конфликтное право» в свое время было использовано русским правоведом М. И. Бруном, который написал «Очерки истории конфликтного права», где речь идет о правовых коллизиях. Конфликтное право — это средство разрешения данных коллизий. То же касается и солидарного права. Если мы посмотрим на право с этих позиций, то приблизимся к правильному его применению.

В. А. КОВАЛЕВ: — Василий Владиславович, Вы упомянули Гуго Гроция, но за много веков до него греческий историк и политический деятель Фукидид вы-

сказал мысль, что мир — это короткий промежуток времени между двумя войнами. Выделение таких абстракций, как война и мир, на мой взгляд, — явление Нового времени. До этого люди не воспринимали их раздельно, война и мир были частью единого взаимодействия между народами и понимались холистически. Согласны ли Вы с этим утверждением?

В. В. ТРОФИМОВ: — Пожалуй, да. Так же как и конфликт и сотрудничество — неотъемлемые спутники человеческого существования. Все зависит от расстановки акцентов и соблюдения баланса. Если конфликты будут преобладать, мы будем жить в сложных, некомфортных условиях. Значит, нужно учиться минимизировать конфликты и расширять сферы сотрудничества. И у нас должно быть столько опыта, чтобы мы смогли решить эту задачу средствами конфликтного и солидарного права. Два метода — императивный и диспозитивный — есть не что иное, как отражение этих двух стратегий. Императив — это граница, которую нельзя переходить, поскольку конфликт разрушит социальную систему, а диспозитивное начало даст нам возможность усилить эту сферу. Предлагаю использовать эти ресурсы.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Павлу Андреевичу Олю.

П. А. ОЛЬ: — Я, как лицо, аффилированное с государственной структурой, буду говорить в контексте государственных интересов. В развитие тезисов, заявленных в моем докладе «Влияние глобальных изменений на общественное восприятие ценностных основ права», отмечу несколько моментов.

Любая трансформация является глобальной и затрагивает основные сферы жизнедеятельности общества и человека. На динамику социальных изменений влияет в том числе научно-технический прогресс (цифровизация, развитие технических средств и пр.). Кроме того, истоки глобальных изменений кроются и в социальной природе человека, которая проявляется как воля к общению, сотрудничеству и кооперации. Группу лиц, объединенных на основе этого принципа, мы называем коллективом, а сам принцип — коллективизмом.

В коллективе всегда возникают противоречия, конфликты между индивидуальными и коллективными потребностями. Снятие противоречий происходит почти на чувственном уровне, когда человек оценивает возможность своего существования вне коллектива. Коллективное неприятие воспринимается как уничтожение личности, то есть коллективизм является одной из фундаментальных человеческих ценностей. На этом принципе основывается понятие социальной нормы, а также строятся международные отношения, в которых этот принцип выступает как принцип коллективной безопасности.

В настоящее время в международных отношениях продолжается разрушение колониальных основ. Сегодня высшей формой коллективной организации является Организация Объединенных Наций, а высшей правовой нормой — Устав ООН. Эта политико-правовая

форма стала средством снятия противоречий в международных отношениях. Посредством нее нивелировалось стремление субъекта международного права к проявлению индивидуализма, мировому или региональному доминированию. Баланс интересов обеспечивал стабильность международных отношений. Существующая международная правовая система, основанная на принципе коллективизма, препятствует насаждению порядка, основанного на правилах. При этом, препятствуя глобальному доминированию, международная правовая система неудовлетворительно выполняет свою функцию по снятию противоречий между индивидуальным и коллективным.

Сегодня происходит изменение общественного правосознания в сторону его атомизации и индивидуализации. Такое «правопонимание» ведет к разрушению основ коллективного существования. Но именно коллективизм как основа нравственности должен пронизывать человеческое правосознание. С этим связано понимание справедливости, которое невозможно без понятия коллектива. То есть быть социально справедливым — значит позволять обществу существовать.

Необходимо осуществлять правовое воспитание и формирование правовой культуры на основе принципа коллективизма, а не индивидуального потребительства. Воспитание не должно основываться на приоритете индивидуальных потребностей человека, которые обозначаются термином «естественные неотъемлемые права человека». Надо признать, что коллектив может и должен ограничивать волю индивида в своих интересах, а значит, в интересах социальной природы человека.

Иван УЗЛОВ, II курс, юридический факультет: — Павел Андреевич, не является ли такой коллективизм в контексте международного права деструктивной категорией?

П. А. ОЛЬ: — Для этого и существует право, чтобы создавать баланс между коллективным и индивидуальным, между публичными и частными интересами. В целом это движение, то есть равновесие может быть только динамическим. Важны и коллективное, и индивидуальное начала. Чрезмерное стремление к коллективизму может привести к перегибам. Так было, например, в Китае накануне «культурной революции». Для этого существуем мы, юристы, и норма как форма снятия противоречий.

И. УЗЛОВ: — То есть не существует идеальных моделей, а есть предпочтительные?

П. А. ОЛЬ: — Нет, баланс права — это всегда баланс равновесия, оно для того и существует.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Виктору Пантелеевичу Очередыко.

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — Сегодня прозвучали в основном выступления теоретиков права, потому что постановка проблемы «Право и нравственность» ориен-

тирует на такое осмысление. Тема моего выступления — «Российское правосудие в условиях современных глобальных трансформаций» — более конкретная и прикладная.

Право испытывает на себе глобальные трансформации, так же как и экономика, политика, культура. Преступления не существует, пока о нем не сказали юристы. Изменения и трансформации в экономике и политике не существуют, пока они не обрели правовую определенность. И поэтому разговор о трансформациях в праве, на мой взгляд, весьма актуален. Институты права испытывают воздействия, среди них — институт российского правосудия, страны, которая оказалась на гребне трансформации, как сказал А. Гутерриш, разлома Востока и Запада.

Право оказывается перед вызовами глобальной трансформации и лихорадочно ищет ответы на возникающие вопросы. Чтобы лучше понять вызовы и сформулировать ответы, в поисках которых развивается право, нужно поместить российское правосудие в исторический контекст.

Современное российское правосудие развивалось в рамках глобализационных процессов и в русле широкой трансформационной волны, которая в 1990-е годы шла под названием «вхождение российского общества в цивилизованную семью европейских народов». В контексте этой волны предпринимались широкомасштабные усилия по инкорпорации российского правосудия в европейский контекст. Успехи были очевидны. Российское правосудие — наверное, самый удачный проект в формировании европейского облика государственных институтов. По сути, функционирование российского правосудия (его институтов, процессуального порядка, статуса российского судьи и пр.) — это опыт России в стремлении обрести цивилизационное начало.

В 2000-е, 2010-е и 2020-е годы реализовывалось стремление ввести Россию в европейскую цивилизованную семью народов. Но эти усилия сопровождались формированием побочных эффектов. С нулевых годов мы стали замечать, что наша экономическая жизнь основывается на западноевропейском праве.

Развитие правосудия и общества в глобализационном контексте в 2010-е годы привело к возникновению противоречий, обусловило возникновение проблем и взаимного недоверия между Россией и Европой. В результате мы наблюдаем двойные стандарты, что, по сути, означает разрушение международного права. Все это поставило правосудие перед вызовами в виде разрушения общего правового пространства, прежде всего европейского. Это разрушение проявляется, во-первых, в принятии западными странами масштабных ограничительных мер в отношении России; во-вторых, в разрушении механизма взаимного признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. До этого и в нулевые годы дело с признанием наших решений западными странами и инстанциями обстояло не очень хорошо. В настоящее время все механизмы признания решений иностранных судов, по сути, парализованы. В-третьих, в разрушении общеевропейского гуманитарно-правового пространства. Рос-

сия вышла из Совета Европы, а также из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Я назвал три характерные черты разрушения общего правового пространства. Российское правосудие вынуждено искать ответы на возникающие вызовы. Первый ответ — развивается суверенизация российского правосудия на фоне усиления санкционного давления. Проблемой суверенизации правового пространства занимается, в частности, профессор Г. А. Гаджиев. Суверенизация российского правосудия на фоне усиления санкционного давления проявляется в создании конституционных оснований для этого. В 2020 году конституционные нововведения предоставили Конституционному Суду право быть окончательной инстанцией при признании или непризнании решений международных судебных органов. Второй ответ — происходит суверенизация юридического сопровождения, формирование новых инструментов судебной защиты прав и интересов российского бизнеса. При этом возникли уникальные условия, когда стремление осуществить суверенизацию совпало с внешним давлением. Российский бизнес вывели из-под правовой помощи западного правосудия.

В. В. ТРОФИМОВ: — Виктор Пантелеевич, спасибо за самое интересное выступление о суверенизации судебной российской системы в контексте международного положения. Скажите, пожалуйста, выход России из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (надгосударственной инстанции как критерия для национального правосудия) положительно скажется на правосудии Российской Федерации или у такого решения есть недостатки?

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — Недостатки и опасности очевидны, и странно было бы это отрицать. Но существуют проекты, направленные на компенсацию возникающих опасностей. Так, высказываются предложения о создании собственного института. По большому счету нет необходимости плодить новые сущности без особой надобности. По сути, создание нового института было бы обусловлено перераспределением уже существующих юрисдикций между имеющимися юридическими формами. Если говорить о формировании национального аналога Европейскому суду по правам человека, то такие идеи существуют, и в скором времени мы об этом услышим, в частности о формировании Евразийского суда по правам человека. Кроме того, существуют проекты по созданию Суда по правам человека в странах ШОС, БРИКС и т. д.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Галине Михайловне Лановой.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Мне хотелось бы обратиться непосредственно к теме, которая вынесена в название секции, и поговорить о праве, ценностях и нравственности в условиях современных глобальных трансформаций.

Нас, юристов, прежде всего интересует право и то, что с ним происходит. Ситуация, в которой мы сегодня

пребываем, показывает, что право может быть эффективным, действенным и социально полезным только тогда, когда оно опирается на нравственные ценности и остается феноменом культуры.

Сравнение национального и международного права позволяет подтвердить мой тезис. Международное право опирается на конвенциональные ценности, будучи изначально феноменом западной правовой культуры, христианской цивилизации, но в своем развитии оно пришло к принципиально иному состоянию. Сегодня международное право — это мультикультурный феномен. Однако поскольку право не может функционировать вне культурного контекста, участники международных правовых отношений, опираясь на определенные принципы, конвенционально приходят к тому, что базовыми принципами и ценностями международного права по-прежнему признаются ценности западной культуры.

В ситуации политических конфликтов, непонимания, нежелания отдельных участников субъектов правоотношений придерживаться принятых договоренностей право рассыпается как картонный домик. То есть право, которое основано на конвенциональных ценностях, к сожалению, не может быть устойчивым и эффективным предсказуемо долго.

Когда мы говорим о национальном праве, то исходим из того, что это феномен национальной культуры. И за счет связи с нравственностью, духовностью, ментальностью народа право остается стабильным, функционирующим вне зависимости от того, в каких условиях оно существует и какие глобальные трансформации происходят в социуме и мире. Здесь, на мой взгляд, связь права и нравственности сохраняется и в условиях глобализации остается фактором, обеспечивающим устойчивое эффективное функционирование права.

В связи с этим усилия государства, которые сегодня предпринимаются с целью сохранения культурных, духовных основ, нравственных ценностей, полезны и необходимы в современных условиях, когда право, основанное на конвенциональных ценностях, не работает так эффективно, как право, неразрывно связанное с нравственностью и духовностью общества.

На мой взгляд, правовых ценностей как таковых не существует. Право принимает те ценности, которые существуют в политической и нравственной сферах, и ранжирует их. Если право отказывается от ценностей, существующих в обществе, и предлагает свои, то такое право не сможет долго существовать и эффективно функционировать.

Р. А. РОМАШОВ: — Галина Михайловна, Вы сказали, что право не закрепляет правовых ценностей. Но, возможно, право как явление культуры само по себе представляет правовую ценность?

Г. М. ЛАНОВАЯ: — По-моему, мы не должны рассматривать право как собственно правовую ценность. Это скорее ценность более широкого плана — социальная, нравственная, политическая и даже экономическая, если мы говорим об инструментальной ценности права для регулирования экономических отношений.

В. А. КОВАЛЕВ: — Но почему мы не можем «перевернуть» это утверждение и заявить, что политических ценностей как таковых не существует, так как они принимают вид правовых ценностей? Если мы считаем эти феномены равнозначными, то почему право автоматически является вторичным относительно политики, культуры, религии, нравственности? В Древнем Риме, например, политика воспринималась через право, а не право через политику.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Да, в определенных условиях право воспринималось совсем не так, как сейчас. И действительно, в Древнем Риме вообще все рассматривалось через призму права. Но в современном обществе право — это инструмент, форма. И когда мы говорим о собственно правовых ценностях, то все равно возвращаемся к мысли, что право где-то заимствовало. По-моему, право для современного человека остается той формой, которая востребована до тех пор, пока она сохраняет свою инструментальность. Как только право перестает быть инструментом решения каких-то значимых для общества или индивидуума проблем, оно утрачивает свою ценность. Сегодня мы наглядно видим это на примере международного права.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляет профессору Розе Иосифовне Ситдиковой.

Р. И. СИТДИКОВА: — Одной из важных трансформаций современного общества стало широкое распространение искусственного интеллекта (ИИ) в самых разных областях. Если на первых порах мы воспринимали его как помощника, призванного заменить человека на некоторых тяжелых или рутинных работах, то самообучающийся ИИ — нечто совсем другое. Сегодня он рисует картины, сочиняет стихи, музыку и т. д. На базе «творчества» ИИ уже сформировалась целая субкультура. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать результаты этой деятельности интеллектуальной собственностью, и если да, то кто является их автором?

К этому вопросу существует несколько подходов. Первый предполагает, что автором является ИИ. Но это противоречит действующему законодательству, в котором прямо указано, что автором может быть только физическое лицо. Сторонники второго подхода утверждают, что ИИ следует считать соавтором. Согласно третьему, самому распространенному подходу автором всего, что создает ИИ, является его разработчик.

Я решила «побеседовать» с ИИ. «Попросила» чат-бот ChatGPT дать определение интеллектуальной собственности в стихотворной форме, он выдал в виде белого стиха. Строки нерифмованные, но в целом совсем неплохо. Потом я спросила, каким законом регулируется охрана интеллектуальной собственности, но он назвал совсем не тот закон! Так что, господа студенты, если вы собираетесь написать курсовую или дипломную работу с помощью ИИ, имейте в виду, что доверять ему все же нельзя. Однако ИИ может быть полезным инструментом, когда требуется сформулировать фразы с неким «общим», неконкретным смыслом. Сле-

дующий вопрос: «Занимаешься ли ты творчеством?»
 Ответ: «Я, как искусственный интеллект, не способен заниматься творчеством в традиционном смысле. Однако я могу помочь».

«На каком языке ты думаешь?» — «На разных, но большей частью на английском».

«Интересно тебе писать стихи?» — «Могу помочь тебе». Насколько я поняла, сам он к поэтическому творчеству интереса не испытывает. Но я попыталась все же заставить его написать несколько строк в рифму. Предлагала разные стили, написание справа налево, но ничего из моих стараний не вышло. Все-таки в рифму он не умеет. Ну и слава богу, что хоть здесь он не может с нами тягаться. Это меня вдохновило, и я написала:

Бывают собственности разные,
 есть и интеллектуальная,
 она дороже всего авторам,
 хотя и нематериальная.
 Пусть не испортит ее роботизация
 и не лишит души сплошная цифровизация.

Тем не менее искусственный интеллект уже выполняет множество функций, при этом черпая информацию из Интернета. В связи с этим возникает важная задача: добиться, чтобы создаваемые им произведения соответствовали нашим с вами ценностям, а не ценностям разработчиков из США и других недружественных стран. В связи с этим вслед за Дмитрием Олеговичем обращаюсь к студентам. Вы будете жить в сложную, но очень интересную эпоху. Вам придется осваивать новые технологии — те, которые уже придуманы и которых еще нет. И в любом случае вы будете учиться управлять искусственным интеллектом, чтобы он служил во благо, а не во вред людям. И не забывайте о нравственных ценностях в традиционном праве.

С. М. ОГАНЕСЯН: — Роза Иосифовна, в связи с Вашим выступлением возникают некоторые вопросы. Можно ли использовать искусственный интеллект как помощника в юриспруденции? Скажем, в деятельности судов, прокуратуры, оперативно-розыскной деятельности? Или это пока чревато ошибками? Ведь если суд или прокуратура примет неверное решение, это может кому-то сломать жизнь.

Р. И. СИТДИКОВА: — Вы задали вопрос и сами на него ответили. Искусственный интеллект может быть очень хорошим помощником, но его все же надо контролировать.

Сергей МУЛЛАНУРОВ, II курс, юридический факультет: — Роза Иосифовна, Вы рассказали о разных подходах к определению собственника продукта, созданного искусственным интеллектом. А почему нельзя рассматривать ИИ в качестве инструментария? Он так или иначе собирает мысли, формулирует, как это делают многие программы сейчас. Например, фотешоп может использовать искусственный интеллект для восстановления изображения.

Р. И. СИТДИКОВА: — Давайте не забывать о таком важном аспекте, как финансовый. Право среди прочего регулирует денежные потоки. Сам ИИ пока не идентифицирует себя как автора, да и закон не позволяет. Но речь идет о том, что кто-то должен быть назван правообладателем, то есть иметь исключительное право на получение вознаграждения за использование ИИ. Законодатель еще не сказал своего веского слова, но я все-таки цивилист и утверждаю, что в какой-то степени эти вопросы можно решать на основании гражданско-правовых договоров.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Сейчас перед нами выступит доцент МГИМО Владимир Львович Энтин.

В. Л. ЭНТИН: — В свое время на кафедре военного перевода нас обучали азам проведения допросов. Один из пунктов гласил: когда к вам приближается незнакомое лицо, вы должны ответить для себя на вопрос: «Friend or foe» (то есть союзник или неприятель) и в дальнейшем исходить из этого. Думаю, что это правило действует и во многих других ситуациях, в том числе в отношениях между странами.

Сегодня не раз высказывалась мысль о том, что право в условиях энтропии служит сдерживающим фактором. Я хотел бы взглянуть на эту проблематику с точки зрения четвертой части Гражданского кодекса РФ, регулирующей права на результаты интеллектуальной деятельности. С помощью гражданских отношений мы регламентируем несколько аспектов. Процесс интеллектуальной деятельности — дело сугубо авторское, но ее результат имеет объективную форму и поддается воспроизведению. Как только появляется объект, в отношении него начинают действовать исключительные имущественные права, и именно эти права согласно Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, и считаются объектом интеллектуальной собственности. Во всех контрактах мы исходим из этого факта, а не из того, что изложено в Гражданском кодексе. Иначе говоря, подтверждается тезис, что наше вхождение в условия глобализации, в интенсивный обмен с другими странами привело к тому, что мы используем не собственный понятийный аппарат, в том числе при заключении сделок, а другой — тот, который нам навязывают, скажем так, наши партнеры.

Современное технологическое развитие порождает новые проблемы, в частности, связанные с использованием искусственного интеллекта. С точки зрения действующего права любой результат деятельности искусственного интеллекта (а не только курсовая работа) является токсичным продуктом, потому что когда мы включаем полученный результат в более сложный объект, допустим видеоряд в фильм, тут же возникает целый ряд проблем. Первая проблема заключается в том, что как только мы берем некий объект, который с точки зрения действующего права является контрафактным, и начинаем его использовать, конечный продукт тоже становится контрафактным. Что здесь происходит? Искусственный интеллект берет весь тот массив данных, который ему предоставил разработчик, и пе-

рерабатывает его, чтобы получить некий результат. Но в Гражданском кодексе указано, что переработка является правомерным действием в том случае, когда мы получаем либо новый результат, либо новый продукт. В случае же искусственного интеллекта мы не имеем принципиально нового продукта, поэтому необходимо получить лицензию, то есть право на использование, от предыдущих правообладателей, каковых несметное множество, так что мы не можем их определить с достаточной степенью достоверности. В итоге у нас получается либо фольклорный объект, то есть такой, который не охраняется, либо контрафактный, что еще хуже, потому что в этом случае не будет охраняться уже последующий результат.

И последний тезис. Технологии развиваются гораздо быстрее, чем мы можем их осмыслить с помощью права. Но сегодня у права появилась дубинка под названием *restrictions* — огромное количество административных актов, которые требуют от разработчиков искусственного интеллекта и тех, кто его применяет, соответствия административным процедурам и правилам раскрытия информации. Вопрос: кто в итоге одержит верх — техника или административная машина правоприменения?

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю к микрофону Анну Александровну Аубакирову, директора Алматинского филиала нашего Университета.

А. А. АУБАКИРОВА: — УПК России и Казахстана имеют много общего и в структуре, и в содержании. В Республике Казахстан есть дополнительные институты, но правовые концепции идентичны. В этом контексте я хотела бы обратить внимание на такой фактор, как внутреннее убеждение судьи в качестве нравственно-психологической гарантии правосудия. Внутренние убеждения изначально не являются юридической категорией, тем не менее они стали важной составляющей уголовного процесса. Статьи уголовных кодексов и России, и Казахстана, посвященные свободе оценки доказательств, гласят, что судья, следователь, прокурор, дознаватель, а также присяжный заседатель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. Когда неюридическую категорию пытаются ввести в какой-либо элемент права, мы должны учитывать очень многие компоненты — правовую оценку, гносеологический аспект, логический, социальный, психологический.

Почему в одном списке перечислены судья, следователь, прокурор, дознаватель, присяжный заседатель? Эксперты, свидетели, другие участники процесса тоже имеют внутренние убеждения, но законодатель выделяет только субъектов доказывания, так как именно они принимают процессуальные решения — и на этапе досудебного производства, и во время судебного разбирательства. Решение, которое принимается от имени государства, должно основываться на оценке доказательств по внутреннему убеждению, которое, в свою очередь, должно быть нравственной гарантией.

В связи с рассматриваемой темой остановлюсь на психологической оценке произошедшего события со стороны судей. Почему? Дело в том, что в Казахстане были проведены интересные исследования: зависят ли решения судей от их гендерной принадлежности? Выяснилось, что судьи-мужчины и судьи-женщины по-разному оценивают доказательства и принимают решения относительно сроков лишения свободы наказания по делам о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних. Женщины всегда выступают за более суровое наказание, чем мужчины. Это еще раз подтверждает: судья должен быть до конца уверен в правильности своих умозаключений. В ходе другого исследования судьям задавали вопрос о том, насколько они уверены в правильности своего решения. Результат поразительный: 54 %. То есть почти половина судей сомневаются в том, что они дали достаточно обоснованную юридическую оценку и верно квалифицировали то или иное деяние. Любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого, но судья все же обязан вынести решение о том, чем должно закончиться уголовное судопроизводство (а вариантов всегда немало). Поэтому именно внутреннее убеждение судьи выступает в качестве нравственно-психологической гарантии правосудия. Оно способствует исполнению воспитательной роли уголовного процесса, поскольку обуславливает принятие процессуальных решений и совершение практических действий судьей в согласии со своей совестью, нравственными и этическими императивами. В целом убеждение является продуктом взаимодействия разума, чувства и воли, а внутреннее убеждение — это не просто мысль, а эмоционально окрашенная идея, взгляд и внутренняя сила, которая регулирует и направляет человеческое поведение.

И. Г. СКУРТУ, *доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП:* — Но оно же обуславливает и значительную субъективность судьи. Адвокаты ожидали, что из УПК исключат понятие «внутреннее убеждение», но вместо этого исчезло такое требование, как поиск истины. Как мы можем бороться с таким феноменом, как «мягкий» и «жесткий» судья? И что делать с «калужской» и «казанской» законностью в одном и том же деле?

А. А. АУБАКИРОВА: — Боюсь, что в настоящее время вы ничего сделать не сможете. Судья, принимая решение, реализует свое право основываться на внутреннем убеждении, которое обусловлено его квалификацией, образованием, воспитанием и т. д.

Однако новые технологии дают нам некоторую надежду. Судопроизводство, как и остальные сферы деятельности, идет по пути информатизации. Например, в Республике Казахстан очень многие процессы, особенно те, которые касаются административного права, переданы машине. Сейчас рассматривается вопрос, следует ли в целях объективности внедрять цифровые технологии в уголовное судопроизводство. Если имеется перечень определенных сведений о преступлении и набор алгоритмов, то машина может определить, ви-

новен или невиновен подозреваемый, достаточно ли тех или иных признаков для определенной квалификации и принятия решения.

Очевидно, что в ближайшие 10–20 лет мы не перейдем к такой практике. Поэтому давайте исходить из имеющихся реалий. Никто не отменял такой характеристики судопроизводства, как состязательность. Юрист, выигравший дело (выступающий на стороне защиты или обвинения), испытывает чувство профессиональной удовлетворенности. Но при этом вторая сторона остается недовольной. И невозможно принять такое решение, чтобы, как говорится, никто не ушел обиженным.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — На связи с нами город Красноярск. Слово предоставляется профессору Степану Мхитаровичу Оганесяну.

С. М. ОГАНЕСЯН: — Глобальные трансформации непосредственно связаны с таким феноменом, как глобализация, которая на начальных этапах воспринималась нами исключительно в позитивном ключе. Однако вскоре в этом глобальном взаимодействии обнаруживается «неравноправие»: крупные и сильные государства начинают диктовать свою волю небольшим и более слабым. Поэтому во многих странах возникло движение антиглобализма, отказ от участия в международном сотрудничестве.

В чем связь между правовым нигилизмом и ценностями права и нравственности? В толковом словаре Сергея Ивановича Ожегова приводится определение: «нигилизм — это полное отрицание всего». Это говорит о том, что правовой нигилизм может быть сознательным убеждением или даже мировоззренческим аспектом. А возникает правовой нигилизм нередко от того, что тот или иной закон в сознании людей работает им во вред. В истории известны примеры таких законов. Например, в фашистской Германии в 1930–1940-е годы были приняты законы, ущемлявшие права целых народов, проживающих в стране. Может ли общество уважать такие «правовые нормы»?

После распада СССР наступили для кого-то святые, а для кого-то лихие 1990-е. Небольшая часть российского общества сумела разбогатеть, но большинство было ввергнуто в нищету — и все на законных основаниях. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что многие и сегодня не желают признавать такие законы.

Правовой нигилизм не является чем-то новым — эта проблема существовала в России и сто лет назад, и даже триста. Василий Осипович Ключевский еще в 1882 году после блестящей защиты докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси» сказал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь». Правовой нигилизм был и в годы правления Екатерины II, и при Иване IV.

Но что делать сейчас, после распада Советского государства, когда, как отмечают многие коллеги, мы все время сталкиваемся с двойными стандартами в отношении России? Как с ними бороться? Простой гражданин видит по телевидению, что творит западный мир, и у него голова идет кругом! Нам придется через право

и его нравственные ценности воспитывать молодежь, чтобы она могла противостоять этим двойным стандартам.

Конфуций, говоря об управлении государством, утверждал, что его главной целью должна быть благополучная жизнь людей. Когда граждане других государств увидят, какую прекрасную жизнь мы построили, они сами захотят к нам присоединиться. Можно ли сформулировать мудрее?

Поэтому задача российского педагогического сообщества заключается в том, чтобы прививать молодежи дух патриотизма, гордость за свое государство, за наше славное прошлое, потому что тысячелетнюю историю не вычеркнешь. В заключение приведу слова известного российского педагога Василия Александровича Сухомлинского: «Нельзя учить, не воспитывая».

Р. А. РОМАШОВ: — Степан Мхитарович, Вы уроженец Армении, но всю сознательную жизнь прожили в России. Считаете ли Вы себя армянином в России или русским человеком армянского происхождения?

С. М. ОГАНЕСЯН: — Действительно, в России я прожил уже в три раза дольше, чем в Армении. В молодые годы, во время службы в армии, я говорил на русском языке, но думал на армянском. А сейчас наоборот: думаю на русском, а если надо высказаться на армянском, то приходится переводить. Так что понятно, кто я теперь.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Спасибо, для аудитории Международных чтений это особенно интересно. Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, который родился в Дагестане, но большую часть жизни прожил в Москве, как-то сказал (тоже на Чтениях), что в Москве он чувствует себя москвичом, а когда приезжает в Дагестан, понимает, что он находится на родине и принадлежит к своей национальности. И это замечательно!

Слово предоставляется профессору Геннадию Павловичу Ермолову.

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — В 1990-е годы гражданам России представлялось, что наша долгосрочная стратегия должна заключаться в единении с Европой. Мы видели свое будущее общим с европейскими соседями, вступали в международные организации и ратифицировали конвенции. Однако мы забыли о народной мудрости: доверяй, но проверяй. В итоге выяснилось, что европейские лидеры ставили совсем другие цели, и теперь мы понимаем, что наши интересы решительно не совпадают.

Территория России, как известно, занимает существенные площади на двух континентах. Поэтому мы скорректировали свою стратегию и теперь намерены отстаивать наши интересы исходя из понимания того, что сформулировано в концепции внешней политики — с учетом отношения к нам со стороны Запада и введенных против нас санкций.

Напомню, что международное право по своей сути близко к понятиям морали и справедливости. И оно остается таковым до тех пор, пока не приобретает

юридическую сущность благодаря санкционированию судом. Мы настаиваем на том, чтобы международное право соблюдалось и исполнялось. Само его существование основано на том, что субъекты международных отношений добросовестно и добровольно соблюдают те правовые нормы, которые они сами для себя сформулировали. Мы понимаем, что это труднодостижимо, потому что всегда находятся те, кто стремится исказить международное право. Но другого механизма у нас нет. Поэтому мы настаиваем на том, чтобы статус России в Организации Объединенных Наций оставался прежним. В частности, постоянное членство в Совете Безопасности согласно Уставу ООН. Многие считают, что прежний Устав, утвержденный в 1945 году, устарел, и выступают за его реформу.

Мы тоже считаем, что Устав ООН требует пересмотра. Но страны Запада предлагают расширить Совет Безопасности, включив в него Италию, Германию и других союзников США, в то время как Россия напоминает, что в Совете нет Индии, Бразилии, стран Африки. Поэтому наши дипломаты сейчас ведут тяжелые и сложные переговоры, отстаивая нашу точку зрения. Однако вода камень точит. Поэтому мы уверены, что, настойчиво и последовательно идя к поставленной цели, мы добьемся необходимого результата. Сергей Викторович Лавров проводит последовательную внешнеполитическую работу, и мы добьемся, что нормы международного права будут распространяться на все государства, так как юридически все они имеют равные права.

Дмитрий ЛИСИЦЫН, аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП: — Геннадий Павлович, можно ли в контексте Вашего выступления говорить о международном праве как об универсальной ценности? Или современное международное право предполагает национальный контекст, то есть воспринимается каждым государством по-своему?

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — В одном из выступлений на пленарном заседании прозвучали слова Чехова о том, что национального права быть не может. Я стою на той же позиции. Международное право не может быть российским или американским. Оно не имеет национальной специфики, потому что это тот регулятор, который создается и разрабатывается на добровольной основе всеми субъектами — участниками международных отношений.

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — А не претендует ли на эту роль американское право?

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — Виктор Пантелеевич, США претендуют не только на это — они на многие сферы замахиваются. Утверждение, что Россия нарушает мировой порядок, основанный на правилах, придумали именно американцы. А западный мир настолько оболванен пропагандой, что даже не задумывается: кто и где сформулировал эти правила? Где можно с ними ознакомиться? А нигде. Так что претензии у них могут быть, но их реализация невозможна. Мно-

гие страны уже понимают, что нужно отказываться от движения в кильватере США.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Профессор Равия Фаритовна Степаненко выступит дистанционно.

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО: — С точки зрения догматической юриспруденции правосознание — это форма общественного сознания, включающая совокупность идей и представлений о праве. Эти идеи и порождаемые ими взгляды, чувства, эмоции ориентированы на мотивацию правоверного поведения во имя установления правопорядка.

Но есть и другие определения правосознания. Очень трепетно о российском правосознании писал Иван Александрович Ильин, обосновывая его богочеловеческие истоки. Такие взгляды отличаются от европейских, где еще Блаженный Августин различал град Божий и град Земной: в первом живут эгоистическими и плотскими интересами, во втором — любовью к Богу, то есть по законам духа. В основе же российского правосознания, как объясняли представители золотого века русской юриспруденции, лежит настоящая, а не мнимая религиозность, как утверждал Иван Александрович Ильин. Тем не менее восприимчивое российское правосознание, как представляется, чаще всего находится в пограничном состоянии. Мы употребляем термины «маргинальное правосознание», «балансирующее правосознание».

С точки зрения догматической юриспруденции это связано с довольно частым изменением законодательства или излишней нормативностью, а также геополитическими событиями, особенно последними событиями, которые приводят российское правосознание в турбулентное состояние, как говорит Валерий Дмитриевич Зорькин. Это хаотичное, маргинальное, пограничное, отчужденное, отдаленное от некоего символического центра правосознание отличается вариативностью своей динамики. Оно может двигаться в положительную сторону, когда речь идет об адаптации к сложившейся ситуации, которая корректирует мотивационную поведенческую сферу субъектов правоотношений. Однако намного чаще его двойственный характер продуцирует такие деструктивные явления, как эскапизм, фрустрация, протестные реакции, агрессия и даже аутоагрессия. Эти негативные явления имеют многовековую историю. Петр Великий боролся со старообрядчеством запретами, а люди в ответ на это устраивали самосожжения, не соглашаясь с новым нормоустановлением, протестуя против него. Это свойство именно российского правосознания — уход, бегство от проблем. Об этом говорили все, кто изучал историю российской государственности — и Ключевский, и Карамзин, и Гумилев, и многие другие.

Маргинальность правосознания непременно следует изучать наряду с такими парными понятиями, противоположностями, которые сегодня упоминали, как ценности и антиценности, правовая культура и правовая антикультура, право и не-право. Еще Аристотель говорил о том, что в каждом предмете всегда заложена противоположность. Деформация правосознания, по-

граничные состояния — явления явно не позитивного характера, и они подлежат изучению. Как сказал основатель теории маргинальности Роберт Эзра Парк, изучая этот феномен, можно познать историю человеческой цивилизации.

Р. А. РОМАШОВ: — Равия Фаритовна, насколько современное российское общественное правосознание может рассматриваться с точки зрения традиционности либо маргинальности? Есть ли здесь какие-то противопоставления, на Ваш взгляд?

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО: — По-моему, сегодня правосознание в России можно охарактеризовать в целом как пограничное, потому что ситуация сама по себе пограничная. Выход будет, причем в положительную сторону (мы же оптимисты).

В. А. КОВАЛЕВ: — Замечательный англо-американский антрополог Виктор Тернер выделял два вида пограничного состояния: маргинальность, то есть нахождение на периферии, и лиминарность, то есть застревание между двумя уровнями или группами. Что из этого, на Ваш взгляд, ближе к российскому состоянию?

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО: — Все зависит от того, насколько пиковая ситуация складывается, то есть от точки бифуркации, к которой мы сегодня подходим. Вот говорить о лиминарности вряд ли правомерно, потому что, отказавшись от либеральных европейских ценностей и двигаясь в направлении азиатских, мы опять приходим в состояние пограничности. Но, надеюсь, все же движемся, не застреваем.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Зурабу Нодаровичу Каландаришвили.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ: — Я хотел бы затронуть тему такого социально-правового феномена, как конституционная культура. Этот вопрос вызывает довольно острые дискуссии, потому что большинство теоретиков в области конституционного права считают, что конституционная культура является частью более широкой сферы — правовой культуры. Я же, как и Алексей Алексеевич Ливеровский, придерживаюсь точки зрения, что конституционная культура — самостоятельное и очень емкое явление. При этом, естественно, и конституционная и правовая культуры являются частью общей культуры.

Но как мы понимаем эти феномены? В зависимости от принадлежности к той или иной школе правопонимания мы трактуем по-разному.

Я считаю, что конституционную культуру следует рассматривать как когнитивно-аксиологическую систему, сложившуюся в результате социально-правового развития в его *культурном контексте* и способствующую становлению и реализации конституционно-правовых знаний, ценностей, норм и правил поведения.

Дело в том, что конституционная культура начала зарождаться гораздо раньше, чем правовая, которая является порождением государства. Насколько нам из-

вестно, первые города-государства появились в IV–III тыс. до н. э. в Месопотамии, то есть на территории современных Сирии и Ирака. Конституционная же культура стала формироваться еще на стадии первобытнообщинного строя. Почему так произошло? Потому что конституционная культура включает в себя не только правовые нормы, но и социальные, религиозные, нормы морали, нравственности и т. д. Известный петербургский ученый-правовед Игорь Юрьевич Козлихин пишет, что признаки конституционной культуры обнаруживаются и в авраамических религиях — иудаизме, христианстве, исламе.

Конституционная культура в России, как верно отметил Роман Анатольевич, начала формироваться с принятием первых конституций, то есть начиная с 1918 года. Однако зачатки конституционной культуры мы можем видеть уже в эпоху Московского царства, когда власть монарха в определенной степени ограничивалась представительным органом — земским собором. В эпоху царствования Михаила Романова (1613–1645) значение земских соборов было особенно велико — фактически именно они управляли государством. Есть версия, что, вступая на престол, Михаил Федорович подписал документ, в котором соглашался на ограничение собственной власти. В XIX веке, особенно в эпоху Александра II (1855–1881), который провел прекрасные либеральные реформы (правда, как потом показала история, половинчатые), конституционная культура, безусловно, получила определенное развитие. Некоторые из реформ Александра II были взяты на вооружение современной Россией в начале 1990-х годов, например судебная реформа 1864 года. Давайте не забывать и о Булыгинском манифесте 1905 года.

Таким образом, весь ход исторического развития подготовил почву для современного конституционализма. Недаром год назад президент и правительство призвали россиян к повторному открытию богатого духовно-нравственного, в том числе и конституционно-культурного, потенциала нашей страны. И прав профессор Малахов, который в своих трудах говорит о том, что определенное своеобразие правовой культуры, правосознания, конституционной культуры коренится в национально-правовой ментальности русского народа, предполагающей коллективизм, соборность, терпение, патриотизм, гражданственность. Об этом же говорят и президент, и правительство России.

Российская конституционная культура очень богата. Когда я говорил о когнитивно-аксиологической составляющей, то имел в виду конституционно-правовые знания и ценностные ориентиры. Мне запомнились слова, сказанные около 10 лет назад на Спиридоновских чтениях Романом Анатольевичем Ромашовым. Он задал вопрос о том, всегда ли хорошо, когда правовая культура, конституционная культура и правосознание в когнитивном плане на высоком уровне. А если это профессиональный преступник, вооруженный правовыми знаниями, которые помогут ему уйти от ответственности? Поэтому определяющими все же являются аксиологические факторы — нравственность, духовное развитие, правовая психология.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово для дистанционного выступления представляется профессору Ольге Викторовне Вербовой.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Одна из тенденций, которая отмечается в современном мире, — рассмотрение права как основного регулятора общественных отношений, который можно использовать вместо других регуляторов социальной жизни. Но это может привести к тому, что при возникновении сложных общественных проблем потребуется принятие новых законов, в которых в обычное время нет никакой необходимости. В итоге перегруженность законодательства неизбежно отразится на эффективности его применения.

Все коллеги знают, что правовая система в стране работает должным образом лишь при условии, что государство и общество придерживаются нравственных норм, а для этого требуется всемерное укрепление моральных устоев.

Приведу реальный пример. В июле прошлого года в законодательство Российской Федерации, в частности в Уголовный кодекс, в связи с проведением специальной военной операции на Украине был внесен ряд изменений. Они касались преступлений, подрывающих основы конституционного строя и безопасность государства, таких как госизмена, шпионаж. Была принята новая норма, предусматривающая ответственность за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством. Также в кодекс был включен новый состав преступления (ст. 283.2) — нарушение требований по защите государственной тайны. Статья предусматривает ответственность тех субъектов, которые имеют либо имели допуск к государственной тайне и покидали пределы территории Российской Федерации. Наверное, в других обстоятельствах было бы достаточно правового регулирования теми нормами, которые уже имелись в Уголовном кодексе. Но наступила нестандартная ситуация, и это привело к необходимости совершенствования законодательства.

В связи с этим, а также на фоне кризиса общественной нравственности необходимо уделять больше внимания именно этим вопросам. Понятно, что право и нравственность — два важнейших пласта культуры и одновременно социальные регуляторы. В сегодняшних условиях мы должны говорить о правовых нормах с нравственным содержанием, и только в таком аспекте оценивать эффективность правовой системы государства.

Уголовное право — самая репрессивная правовая область, поэтому соблюдение в нем нравственных норм — вопрос особенно тонкий. Как он решается? Например, в Уголовном кодексе Республики Казахстан нравственные нормы рассматриваются в самом определении понятия уголовного правонарушения, которое воспринимается обществом не только как причинение вреда, но и как нарушение моральных норм. В то же время они отражают и воззрения законодателей, которые включают в кодекс такие деяния в качестве уголовных правонарушений. То есть происходит имплементация нравственных норм в Уголовный кодекс. Об этом свидетельствуют принципы, по которым формулиру-

ются статьи уголовного законодательства, — справедливость, гуманизм, равенство граждан перед законом. Однако в казахстанском кодексе, в отличие от российского, эти принципы не выделены как самостоятельные нормы.

С применением такого нравственного понятия, как справедливость, у нас формируется вся система наказаний. Нравственные начала мы можем увидеть в ряде норм, устанавливающих уголовную ответственность за посягательство на общественную нравственность, преступления против личности. Таким образом, можно сделать вывод, что и в Общей, и в Особенной части нормы нравственности нашли свое отражение.

Нормы уголовного права, охраняющие общественные отношения, которые обладают повышенной социальной ценностью, даже в большей степени, чем в других отраслях права, должны опираться на нормы общественной нравственности. Об этом говорит и Роман Анатольевич, отмечая, что возросло ценностное восприятие права в целом и конституционного в частности. Хочется верить, что и в будущем, несмотря ни на что, правовые нормы, в том числе в уголовном праве, будут базироваться на нравственных нормах.

Еще одна важная тема, затронутая коллегами, — искусственный интеллект как вызов праву. Кто должен отвечать за вред, который может быть причинен искусственным интеллектом общественным отношениям, охраняемым нормами права? В России этому вопросу уделяется достаточно большое внимание, в отличие от Казахстана, где он нашел отражение только в виде двух положений Концепции правовой политики: о распределении ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, и распространении права интеллектуальной собственности на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Однако эти два вопроса лишь обозначены в Концепции. Они только прорабатываются и еще не получили законодательного регулирования, а решаются в рамках традиционных отраслей гражданского и уголовного права.

В связи с этим обращаюсь к студентам. В условиях быстрого технологического развития право не поспевает за реалиями, однако новые нормы следует вводить продуманно и поэтапно. Тем не менее проблема действительно требует решения уже при сегодняшнем уровне развития искусственного интеллекта, а завтра она станет еще острее.

Р. А. РОМАШОВ: — Наш коллега, доцент Виктор Александрович Ковалев подведет предварительные итоги работы нашей секции.

В. А. КОВАЛЕВ: — На мой взгляд, основной идеей, задавшей тон, стала концепция метамодерна, которая была выдвинута председателем Конституционного Суда России Валерием Зорькиным как противостояние постмодернистскому пониманию конституции. Почему возникает потребность в этой идее, в чем причина? На мой взгляд, это с точки зрения экзистенциализма тоска по объективности (или тоска по реальности). Существовала ли эта тоска до того, как Сартр дал свою

формулировку? Наверное, да. Мы все время стремимся доказать, что правовые нормы — это нечто объективное, основанное на чем-то более фундаментальном, чем проявление свободной воли. Примерно как законы физики.

В истории известны попытки регулирования законов физики юридическими способами. В III веке до н. э. китайский император Цинь Шихуанди издал указ о своем бессмертии, но через полтора года сам же злостно его нарушил, чем, безусловно, показал подданным дурной пример несоблюдения норм.

Но в нашем случае возникают вопросы. Например, прозвучало два тезиса: с одной стороны, высшей ценностью является разумность, с другой — коллектив, общество важнее индивида. Как это сочетается? Ведь носителем разума является индивид. Правда, знаменитый физиолог Иван Петрович Павлов запрещал своим аспирантам употреблять слово «разум», так как считал, что это не более чем «рациональное поведение». То есть разум, с его точки зрения, — поведенческое явление. А что такое разум с точки зрения поведения? Это умение наиболее успешно преследовать свой интерес. Но, например, живущие у меня дома морские свинки преследуют свой интерес намного лучше меня. Разумнее ли они меня — вопрос неочевидный. Может, разум — это способность к логическим рассуждениям? Но чат-боты справляются с этим не хуже человека.

Так или иначе, поведение и суждение — это свойства индивида. Вряд ли кому-то придет в голову утверждать, что общество способно вынести суждение или совершить некое действие как субъект. И получается, что «объективность» превращается в риторический прием. Выигравший суд всегда говорит, что этот результат объективен, а проигравший, как правило, списывает свою неудачу на субъективный фактор (такой судья, что поделаешь). Объективность становится не более чем риторикой, а метамодерн — постмодерном, когда любая ценность имеет значение только с точки зрения риторики.

То же самое касается такой важной категории метамодерна, как историзм. Постмодерн подчеркнута антиисторичен, об этом писал Фридрих Джеймсон. Но и обращение к истории тоже превращается в риторику. Историчность термина постоянно игнорируется, хотя он существует и в контексте эпохи, и в контексте языка. Мы ссылаемся на Аристотеля и Платона, забывая о том, что, например, слова «псюхе», «пневма» и даже «тюмос» античные философы употребляли в том смысле, в каком мы используем слово «душа».

В общем, пока мы видим борьбу идей и интеллектуальных традиций. И если мы хотим победы метамодерна, то нам еще много чего нужно сделать. Пока проблем на этом пути больше, чем успехов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Владимир Иванович Крусс, несколько слов в завершение, прошу Вас.

В. И. КРУСС: — Все же юристы отличаются от всех других людей. Тем, что они вынуждены жить в двух реальностях — собственно юридической и обычной, социальной. Это чревато когнитивным диссонансом, но мы должны как-то с этим справляться и всегда помнить о своем призвании. Юрист, который говорит, что вступившее в силу законное решение суда несправедливо, уже не вполне юрист. Он, конечно, может так говорить, но только если «выйдет» из юридической реальности.

Право существует только потому, что существует исходная базовая матрица, метаобъективность, воплощаемая, как правило, в идее конституции. Высшей нормативностью в праве обладают ценности, среди которых на первом месте ценности конституционные. После голосования в 2020 году вера в Бога была утверждена в качестве конституционной ценности, так что для юриста это безусловная истина. Это не значит, что все должны стать религиозными. Но все юристы должны знать, что это высшая конституционная ценность.

Западный дискурс, который мы сейчас обязаны преодолеть в контексте глобального конфликта, преимущественно контррелигиозный. Конституционные и другие нравственные ценности должны стать платформой, на основе которой Россия может выстроить собственный дискурс, противостоящий этой воинствующей контррелигиозности. Думаю, что мы так или иначе будем двигаться именно в этом направлении.

Р. А. РОМАШОВ: — Продолжу мысль Владимира Ивановича. Государство, право, ценности существуют потому, что мы, юристы, определяем, что государство, право, ценности существуют. Мы юристы, и это здорово.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Дорогие друзья, благодарю всех, кто работал над докладами к Лихачевским чтениям, а сегодня так замечательно представил свои позиции. Ваши наработки, я уверена, дадут импульс дальнейшему развитию юридической мысли. Ну а мы буквально с завтрашнего дня начнем готовиться к следующим Лихачевским чтениям.